ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал

2012
XXI



ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК

799

EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издаётся с 1992 года

Том XXI

Экспресс-выпуск • Express-issue

2012 № 799

СОДЕРЖАНИЕ

2353-2360 К вопросу о голосовой имитации у птиц.
А.С.МАЛЬЧЕВСКИЙ

2360-2361 Новый залёт большой белой цапли *Egretta alba* на озеро Маркаколь. Н.Н.БЕРЕЗОВИКОВ

2361-2364 О некоторых видах Pelecaniformes, Ciconiiformes и Phoenicopteriformes в Архангельской области.
В.А.АНДРЕЕВ

2365-2374 Биология и численность кречётки *Chettusia gregaria* в кустанайских степях.
Н.С.ГОРДИЕНКО

2374-2375 О встречах новых видов птиц в Северной Осетии.
Ю.Е.КОМАРОВ

2375-2376 Новые данные о распространении неворобьиных птиц в Пензенской области.
В.П.ДЕНИСОВ, В.В.ФРОЛОВ

2377 Крупные скопления свиристелей *Bombycilla garrulus* и рябинников *Turdus pilaris* в городе Уфе и особенности их питания.
В.М.ЕМЕЛЬЯНОВ

Редактор и издатель А.В.Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

© Русский орнитологический журнал, 2012
Дата опубликования: 6 октября 2012

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XXI
Express-issue

2012 № 799

CONTENTS

2353-2360 On vocal mimicry in birds. A.S.MALCHEVSKY

2360-2361 New appearance of the great egret *Egretta alba* at Makrarol lake. N.N.BEREZOVIKOV

2362-2364 Some species of Pelecaniformes, Ciconiiformes and Phoenicopteriformes in the Arkhangelsk Oblast. V.A.ANDREEV

2365-2374 Biology and numbers of the sociable lapwing *Chettusia gregaria* in the Kustanai steppe. N.S.GORDIENKO

2374-2375 Some new birds for North Ossetia. Yu.E.KOMAROV

2375-2376 New data on distribution of non-passerine birds in the Penza Oblast. V.P.DENISOV, V.V.FROLOV

2377 Large concentrations of waxwings *Bombycilla garrulus* and fieldfare *Turdus pilaris* in Ufa and their food habits. V.M.EMELYANOV

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St.-Petersburg University
St.-Petersburg 199034 Russia

© The Russian Journal of Ornithology, 2012

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск **799**: 2353-2360*

К вопросу о голосовой имитации у птиц

А.С.Мальчевский

*Второе издание. Первая публикация в 1965**

Способность птиц к звукоподражанию – явление во многом ещё не разгаданное, и понять биологический смысл его по-настоящему невозможно без совместных усилий зоологов и физиологов. Естественно, что зоологи, наблюдающие это явление в природе, могут больше всего судить о степени его распространённости и формах проявления. Факты и соображения, накапливаемые в этом плане, могут быть весьма полезными для изучения другой стороны вопроса, интересующей больше физиологов, для изучения той физиологической основы, на которой могла возникнуть способность к голосовой имитации, и понимания самого механизма его осуществления.

Прежде всего приходится констатировать, что способность к звукоподражанию в развитой форме, помимо человека, присуща лишь птицам, а среди последних эта особенность характерна только для представителей двух отрядов: попугаев Psittaciformes и воробьиных Passeriformes. Оставляя в стороне вопрос о попугаях, заслуживающий специального обсуждения, остановимся на рассмотрении материала по воробьиным.

Среди воробьиных птиц способность к звукоподражанию особенно бросается в глаза у так называемых пересмешников – птиц, которые заимствуют голоса чужих видов и другие звуки природы и создают на их основе свою видовую песню. Точность звукоподражания иногда бывает поразительной. В природной обстановке некоторые пересмешники путают опытных орнитологов, а иногда, будучи воспитанными в неволе, поразительно копируют голос своего хозяина. Эта способность, как известно, особенно характерна для скворцов Sturnidae, могущих улавливать и передавать даже интонацию голоса человека, их воспитавшего. По количеству усваиваемых звуков и степени точности копировки пересмешники сильно различаются индивидуально.

Тем не менее пересмешничество – отчётливо выраженный видовой признак. В целом, однако, пересмешники, как известно, не образуют определённой систематической группы и встречаются среди самых различных семейств. В фауне СССР, например, пересмешники есть среди вороновых Corvidae, скворцовых, дроздовых Turdidae, славковых

* Мальчевский А.С. 1965. К вопросу о голосовой имитации у птиц // *Сложные формы поведения*. М.; Л.: 139-144.

Sylviidae и сорокопутовых Laniidae. В пределах этих семейств близкие виды обычно ведут себя сходно – пересмешничают или нет. В то же время представители разных родов могут очень сильно отличаться по этому признаку. Например, в пределах семейства славковых мелкие систематические группы птиц имеют совершенно отличные типы видовой песни. У представителей родов *Acrocephalus* и *Hippolais* песня, в большинстве случаев очень разнообразная, строится в значительной мере на основе звукоподражания и поэтому подвержена сильной индивидуальной изменчивости. У славок рода *Sylvia* она более определённа и редко имеет заимствованный характер. Наконец, для пеночек *Phylloscopus* и сверчков *Locustella* пересмешничество вообще не характерно, песня их очень определённая и слабо варьирующая индивидуально. Таким образом, склонность к пересмешничеству в природной обстановке в пределах узких систематических групп, по всей видимости, может служить известным показателем близости родства.

В то же время следует ещё раз обратить внимание на то, что у представителей одного семейства характер построения и пути формирования видовой песни могут быть совершенно различными. У одних видов весенняя песня как видовой опознавательный признак развивается и состоит из различных, главным образом врождённых, видовых звуков, у других, склонных к пересмешничеству, она создаётся, кроме того, и путём использования большего или меньшего количества звуков окружающей среды.

Что можно сказать о биологическом значении пересмешничества? Зачем птице нужна заимствованная песня? Существующее по этому вопросу предположение вытекает из гипотезы, которая полагает, что весенняя песня самца есть средство отпугивания особей своего вида, сигнал, означающий занятость гнездового участка (Howard 1920). С этой точки зрения, птицы-имитаторы якобы оказываются в более выгодном положении, ибо благодаря способности к пересмешничеству их «территориальный сигнал», их песня, распространяясь за пределы вида, обеспечивает тем самым лучшие условия гнездования (Hingston 1933). Против этого положения приводилось много доводов (Chisholm 1937; Кистяковский 1958; Мальчевский 1959), повторять которые нет необходимости. Здесь следует лишь обратить внимание на то, что, как показывают наблюдения, большинство пересмешников заимствуют у других птиц, оказывается, в основном не песни, а различные позывы и в первую очередь тревожные сигналы птиц, т.е. такие звуки, которые, очевидно, сильнее всего действуют на их нервную систему, но к территории никакого отношения не имеют.

В этом отношении весьма показательна, например, зелёная пересмешка *Hippolais icterina*, подражающая голосам различных дроздов. скворца, зяблика, иволги, пустельги, кулика-черныша, большого пёст-

рого дятла и других птиц. В пении различных особей этого вида под Ленинградом можно в совокупности насчитать около 30 различных звуков, заимствованных по меньшей мере от 20 видов птиц. Среди этих звуков лишь два, перенятые от иволги и пеночки-веснички, могут быть отнесены к категории песни. Остальные представляют собой крики тревоги или звуки призывного значения. То же самое можно сказать и о другом нашем пересмешнике – о садовой камышевке *Acrocephalus dumetorum*, которая перенимает у других птиц практически лишь тревожные сигналы или призывные крики и почти не копирует звуков, признаваемых нами за пение.

В тех же случаях, когда пересмешник удачно копирует пение другого вида, что из наших птиц лучше всего удаётся скворцу *Sturnus vulgaris*, то часто в его песню вплетаются звуки, усвоенные им на пролёте или на зимовках, а не только от соседей по гнездовому участку.

Приходится иногда поражаться силе звуковой памяти пересмешников. Многие из них, усвоив раз какой-нибудь природной звук, могут сохранять его в памяти месяцами и годами и точно воспроизводить его снова без подкрепления и тренировки. Скворцы, например, после прилёта в апреле свистят чечевицей и иволгой – птицами, прилетающими спустя полтора месяца, голоса которых скворцы могли слышать не позднее конца лета предыдущего года. Варакушки *Luscinia svecica* под Ленинградом ранней весной вплетают в свою песню птенцовые позывы синиц, которые слышали в июне-июле, и т.п.

Ещё более показательные факты можно наблюдать при комнатном содержании птиц. Сойка *Garrulus glandarius*, жившая в неволе у автора статьи всю осень и зиму в полной изоляции от природных звуков, весной, после семимесячного молчания, внезапно запела голосами дроздов, гусей и кур. По всему было видно, что раньше на воле в период формирования своей песни эта сойка обитала неподалёку от посёлка, где она могла слышать крики гусей и кудахтанье кур. Тогда её мозг запечатлел эти звуки, а голосовой аппарат, как магнитофон с магнитной ленты, воспроизвёл их впоследствии. Исключительный интерес в данном отношении представляет комнатный скворец Саша, воспитанный М.С.Быстрицкой со слепого возраста, который вот уже 16 лет отчётливо «выговаривает» совершенно определённые фразы человеческой речи, усвоенные им ещё в младенчестве.

Задерживается в памяти, конечно, не всё, что слышит птица вокруг себя, и не всё, что на первых порах усвоила. Существуют какие-то избранные звуки, которым отдаётся особое предпочтение и которые дольше всего сохраняются в памяти. В природе многие пересмешники копируют часто голоса строго определённых птиц, даже их определённые голосовые реакции. Скворцы, например, почти обязательно включают в свою песню свист чечевицы и иволги, зелёные пересмешки –

трещание дроздов и крик кулика-черныша и т.п. Все садовые камышевки, которых приходилось автору наблюдать в Ленинградской области, с большей или меньшей частотой, но обязательно имитировали голоса беспокоящихся зябликов. Одна из них почти каждую минуту 8 раз повторяла рюмящий позыв и 14 – пиньканье.

Такое избирательное отношение к голосам птиц других видов, как это предположил Торп (Thorpe 1961) на основании изучения имитационных способностей зяблика *Fringilla coelebs*, следует, по всей видимости, объяснить действительно тем, что звуки, которым отдаётся предпочтение, по своим физическим качествам оказываются наиболее удобными для воспроизведения при соответствующем строении голосового аппарата пересмешника. Интересна также точка зрения, полагающая. что те голоса, которые мы слышим в песне почти всех особей данного вида пересмешника (например, голоса чечевицы иди иволги в песне скворца), были заимствованы видом в прошлом и теперь имеют уже наследственный характер. Такой путь эволюции видовой песни можно предполагать. Если бы, однако, песня скворца уже претерпела такое изменение, то все скворцы, воспитанные в изоляции от природных звуков, продолжая традицию вида, должны были бы свистать иволгой и чечевицей, чего, однако, не наблюдается. В природе совсем не обязательно, чтобы каждый скворец или садовая камышевка непосредственно сами слышали крик той птицы, голосу которой они подражают. Молодая птица-пересмешник в процессе формирования своей песни, очевидно, может перенять заимствованную песню уже в частично готовом виде от старых птиц. Короче говоря, первоначально заимствованный звук может передаваться от поколения к поколению не наследственным, а контактным путём.

Таким образом, то частичное сходство, которое, помимо индивидуальных отличий, приходится отмечать в напевах разных пересмешников одного вида, может объясняться разными причинами, но ни одна из них не объясняет биологического смысла подражательного пения. Наоборот, всё, по нашему мнению, указывает на то, что пересмешничество само по себе не имеет специфического значения, помимо, конечно, того общего значения, которое имеет вообще пение птиц весной. Пересмешничество, по нашему мнению, это один из существующих у воробьиных птиц типов построения видовой песни, один из способов самца стать возможно более заметным в брачную пору. Это частный случай проявления способности воробьиных птиц к голосовой имитации – явления, имеющего значительно большее эволюционное значение и характерного для несравненно большего числа представителей, чем пересмешничество. Таким образом, надо строго различать явление голосовой имитации как специфическое свойство высшей нервной деятельности воробьиных (Промптов 1944) и явление пересмешничества, воз-

никшее на основе этого свойства. Нельзя забывать, что у птиц, в том числе и у пересмешников, поют только самцы. Это не означает, однако, того, что самки пересмешников совсем лишены той основы, на которой могло возникнуть и развиваться пересмешничество самцов.

На то, что способность к звукоподражанию присуща не только птицам-пересмешникам, а очень многим представителям отряда воробьиных, указывают многочисленные факты альтернативного пересмешничанья, или пересмешничанья от случая к случаю, наблюдаемые у отдельных особей самых различных видов. Без всякой видимой причины птица совсем не из группы пересмешников начинает высвистывать мотив другого вида: щегол *Carduelis carduelis* или юрок *Fringilla montifringilla* поёт зябликом, горихвостка *Phoenicurus phoenicurus* – пеночкой, славка-черноголовка *Sylvia atricapilla* – соловьём и т.п. Фактов таких становится известно всё больше и больше. Они указывают на наличие скрытых способностей к звукоподражанию у очень многих воробьиных птиц.

В интересных экспериментах К.А. и Е.К. Вилкс (1958, 1959) подобного рода случаи возникали при воспитании отдельных особей в гнезде чужого вида, когда птенцы с раннего возраста привыкали к голосу вида-воспитателя и впоследствии сами начинали его воспроизводить. Интересно, что в этих экспериментах птицы показали способность изменять не только видовую песню, но и другие голосовые реакции, считавшиеся ранее наследственными.

При содержании птиц в неволе способность к звукоподражанию выявилась даже у таких видов, у которых голосовая имитация ещё не наблюдалась в природе, например у щегла, коноплянки *Acanthis cannabina* (Промптов 1947; Poulsen 1954) и даже у домового воробья *Passer domesticus*. Нам известен, например, случай с городским воробьём, который был воспитан Н.А.Карасёвым в обществе щегла. В результате воробей перенял у щегла позывы разного значения. В природе тоже иногда удаётся наблюдать заимствование звуков иного значения, нежели пение. На Карельском перешейке мы наблюдали одиночного юрка, который не только пел, но и подавал тревожный сигнал («рюмил»), как зяблик. Любопытно, что этот юрок проявлял и явный интерес к самкам зяблика.

Многочисленные факты географической изменчивости пения птиц, а также менее распространённые, но более примечательные случаи существования местных напевов, или диалектов (Lucanus 1907; Sick 1939; Мальчевский 1958), можно также понять и объяснить лишь на основе явления голосовой имитации. Существует множество наблюдений, свидетельствующих о том, что звуки среды оказывают заметное влияние на пение большинства певчих птиц, не только пересмешников. Это влияние не обязательно выражается в полной копировке

слышимых звуков, чаще лишь в сторону приближения к ним. Воздействие могут оказывать как общий хор птичьих голосов, так и голоса отдельных особей своего или чужого вида. На пение молодых птиц, как известно, наибольшее влияние оказывает пение старых особей своего вида, и в формировании нормальной видовой песни у них громадное значение имеет голосовая имитация (Witchell 1896; Промптов 1944; Thorpe 1961). Как отмечает Торп (Thorpe 1961), большое значение имеет и групповая тренировка, так называемое соревновательное пение. В некоторых случаях особое влияние может оказать наиболее заметная вариация одной или нескольких особей. Передаваясь от одной птицы к другой, эта вариация может постепенно распространиться и приобрести значение локального напева.

Этот процесс иногда удаётся непосредственно наблюдать в природе. Так, в начале лета 1953 года в одном из кварталов учлесхоза «Лес на Ворскле» поселился зяблик, заметно отличавшийся от других зябликов характером исполнения песни, которую он неизменно заканчивал «рюмящим» позывом. К середине лета этот вариант усвоили почти все зяблики, гнездящиеся на данном участке леса.

На очень маленьких территориях при ограниченном числе сходно поющих особей местные напевы, конечно, долго не сохраняются, так как даже незначительные перемещения птиц в этом случае могут привести к изменению характера местной песни. Наоборот, чем выше плотность населения и чем больше территория, на которой гнездятся сходно поющие птицы, тем более стойким бывает местный напев. В этом отношении показательны соловьи *Luscinia luscinia*, у которых, как это известно, существуют хорошо выраженные и достаточно стойкие местные особенности пения. Однако в наиболее яркой форме местные, узколокализованные напевы наблюдаются у дрозда-белобровика *Turdus iliacus* под Ленинградом. Здесь почти в каждом парке или лесном массиве у этих дроздов существует особая вариация песни, сохраняющая постоянство из года в год (Мальчевский 1958). Отдельные варианты песни чрезвычайно своеобразны и отличаются один от другого даже сильнее, чем песни двух разных видов.

Существование стойких напевов местного значения можно понять и объяснить лишь при условии, во-первых, регулярного возврата на старые места размножения известной части птиц, уже гнездившихся здесь ранее и усвоивших местный напев – хранителей местного напева и, во-вторых, при наличии у молодых птиц способности перенимать и точно копировать пение старых птиц. Молодые дрозды, судя по всему, усваивают местный вариант напева уже на местах размножения в конце первого года жизни. В конце апреля – начале мая под Ленинградом можно наблюдать много птиц, поющих весьма неопределённо. По всей видимости, это молодые самцы-первогодки, ещё не сформиро-

вавшие свою индивидуальную песню. Старые же птицы, прилетающие на места размножения уже во второй декаде апреля, с самого начала уверенно высвистывают вариацию песни, типичную для данной местности. Однообразие напева в каждом месте устанавливается после определенного периода обучения, через две-три недели после массового прилёта.

Судя по всему, значительная часть молодых дроздов местного происхождения, возвращаясь с зимовок, оседает в соседних районах, где представлена уже другая вариация песни. В этих случаях усваивается, естественно, напев, характерный для той местности, где молодая птица загнездилась впервые. Таким образом, по нашим представлениям, существование узколокализованных вариаций видовой песни не должно обязательно указывать на генетическую обособленность мелких групп одинаково поющих дроздов, и нельзя считать, что местные напевы могут в этих случаях способствовать изоляции. Лишь когда местная вариация песни получает широкое распространение и становится достоянием птиц, населяющих значительную территорию, она может содействовать налаживанию контактов между особями со сходными голосами и тем самым способствовать изоляции и образованию популяций и географических форм.

Итак, без учёта способностей воробьиных птиц к голосовой имитации невозможно понять и объяснить все факты индивидуальной, групповой (местной) и географической изменчивости голоса у птиц, то есть все факты, которые свидетельствуют о том, что эволюция голоса у птиц имела и имеет место. Эволюция голоса, со всем его внутривидовым разнообразием голосовых реакций (Промптов, Лукина 1945), возникновение и развитие так называемого птичьего языка воробьиных как средства общения, обмена опытом и воспитания потомства неразрывно связаны с развитием у них способности к звукоподражанию, с развитием звуковой памяти и способности к дифференцировке и воспроизведению разнообразных звуков, имеющих первостепенное значение в жизни птиц. Именно в этом смысле надо понимать основное значение способности птиц к звукоподражанию. Обладание этим качеством несомненно способствовало процветанию отряда воробьиных, виды которого составляют две трети всех птиц земного шара.

Литература

Вилкс Е.К. (1959) 2012. Врождённое и приобретённое в голосовых реакциях некоторых птиц // *Рус. орнитол. журн.* **21** (732): 433-434.

Вилкс К.А., Вилкс Е.К. 1958. Результаты опытов по пересаживанию яиц и птенцов в гнёзда чужих видов (Предварительное сообщение) // *Привлечение полезных птиц-дуплогнездников в лесах Латвийской ССР*. Рига: 167-176.

Кистяковский А.Б. 1958. *Половой отбор и видовые опознавательные признаки у птиц*. Киев: 1-199.

Мальчевский А.С. 1958. Местные напевы и географическая изменчивость песни у птиц // *Вестн. Ленингр. ун-та* 9: 110-119.
Мальчевский А.С. 1959. *Гнездовая жизнь певчих птиц: Размножение и постэмбриональное развитие лесных воробьиных птиц Европейской части СССР*. Л.: 1-282.
Промптов А.Н. 1944. Голосовая имитация птиц как одно из специфических свойств их нервной деятельности // *Докл. АН СССР*. Нов. сер. **45**, 6: 279-281.
Промптов А.Н. (1947) 2008. Опыт классификации имитационных явлений на основе экспериментального изучения поведения птиц // *Рус. орнитол. журн.* **17** (414): 619-627.
Промптов А.Н., Лукина Е.В. 1945. Условно-рефлекторная дифференцировка позывов у воробьиных птиц и её биологическое значение // *Докл. АН СССР*. Нов. сер. **46**, 9: 422-424.
Chisholm A.H. 1937. The problem of vocal mimicry // *Ibis* **79**, 4: 703–721
Hingston R.W. 1933. *The Meaning of Animal Colour and Adornment*. London.
Howard H. 1920. *Territory in the Bird Life*. London: 1-308.
Lucanus F.V. 1907. Lokale Gesangserscheinungen und Vogeldialekte, ihre Ursachen und Entstehung // *Ornithol. Monatsber*. **7/8**.
Poulsen H. 1954. On the song of the linnet *Carduelis cannabina* // *Dansk. Ornithol. foren. fidsskr*. **48**, 1.
Sick A. 1939. Ueber die Dialektbildung beim «Regenruf» des Buchfinken // *J. Ornithol.* **87**, 3/4: 568-592.
Thorpe W.H. 1961. *Bird-Song. The Biology of Vocal Communication and Expression in Birds*. Cambridge Univ. Press.
Witchell Ch. 1896. *The Evolution of Bird Song with Observations on the Influence of Heredity and Imitation*. London.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск **799**: 2360-2361*

Новый залёт большой белой цапли *Egretta alba* на озеро Маркаколь

Н.Н.Березовиков

Николай Николаевич Березовиков. Лаборатория орнитологии и герпетологии, Институт зоологии, Министерство образования и науки, проспект Аль-Фараби, 93, Алматы, 050060, Казахстан.
E-mail: berezovikov_n@mail.ru

Поступила в редакцию 21 июня 2012

Основные гнездовья большой белой цапли *Egretta alba* на востоке Казахстана находятся на озере Зайсан и в дельте Чёрного Иртыша, откуда она изредка залетает вниз по Иртышу до Усть-Каменогорска и Семипалатинска (Долгушин 1960; Березовиков и др. 2000; Березовиков, Самусев 2003; Березовиков, Егоров 2007). Известны также редкие

случаи её появления в горах Южного Алтая: в Бухтарминской долине (Стариков 2006) и на озере Маркаколь, где единственный случай её встречи был зафиксирован более 30 лет назад – 26 августа 1980 (Березовиков 1989). Новый случай залёта большой белой цапли отмечен 30 августа 2011 на восточном берегу Маркаколя у села Урунхайка. Птица кормилась на мелководье, где водятся пескари *Gobio gobio*.

Литература

Березовиков Н.Н. 1989. *Птицы Маркакольской котловины (Южный Алтай)*. Алма-Ата: 1-200.

Березовиков Н.Н., Егоров В.А. 2007. К орнитофауне окрестностей Усть-Каменогорска // Рус. орнитол. журн. **16** (363): 791-797.

Березовиков Н.Н., Самусев И.Ф. 2003. Птицы Зайсанской котловины. I. Gaviiformes, Podicipediformes, Pelecaniformes, Ciconiiformes, Phoenicopteriformes // *Рус. орнитол. журн.* **12** (210): 71-86.

Березовиков Н.Н., Самусев И.Ф., Хроков В.В. 2000. Материалы к орнитофауне поймы Иртыша и предгорий Алтая. Часть 1. Podicipitiformes, Pelecaniformes, Ciconiiformes, Anseriformes, Gruiformes, Charadriiformes, Galliformes, Pterocletiformes // *Рус. орнитол. журн.* **9** (92): 3-22.

Долгушин И.А. 1960. *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, **1**: 1-470.

Стариков С.В. 2006. Аннотированный список птиц Катон-Карагайского национального парка и прилегающих территорий Алтая // *Тр. Катон-Карагайского национального парка*. Усть-Каменогорск, **1**: 147-241.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск **799**: 2361-2364*

О некоторых видах Pelecaniformes, Ciconiiformes и Phoenicopteriformes в Архангельской области

В.А.Андреев

Валерий Аркадьевич Андреев. Кафедра зоологии и экологии, Северный (Арктический) федеральный университет, пр. Ломоносова, 4, Архангельск, 163002, Россия. E-mail: vandreev@atnet.ru

Поступила в редакцию 4 октября 2012

В 2011 году вышел в свет очередной том серии «Птицы России и сопредельных регионов», посвящённый пеликанообразным, аистообразным и фламингообразным (Птицы…2011). К сожалению, в это фундаментальную сводку не вошла информация о некоторых видах из этих групп, обитающих или отмеченных на территории Архангельской области, занимающей по площади (вместе с Ненецким автономным округом) более 587 тыс. км^2. Поэтому я решил собрать в настоящем сооб-

щении известные мне сведения о встречах и обитании некоторых видов рассматриваемых отрядов в Архангельской области.

Pelecanus sp. (возможно *P. onocrotalus)*. Единично залётный вид, отмеченный в мае 2005 года в районе юго-восточного побережья Чёшской губы Баренцева моря в устье реки Пёши (Андреев 2007а).

Morus bassanus. Очень редкий вид, встречающийся в прибрежной зоне северной оконечности полуострова Канин (Зубцовский, Рябицев 1976; наши данные 1990), северо-западнее острова Колгуев (Плешак 2001). 15 августа 1990 во время прохождения по Баренцеву морю севернее Канина мыса полуострова Канин на теплоходе «Владимир Каманин» в точке с координатами 68°40′ с.ш., 43°00′ в.д. я зарегистрировал две северные олуши, летевшие рядом с судном и находившиеся в пределах видимости в течение нескольких минут. Кстати, Н.Е.Зубцовский и В.К.Рябицев отметили олушу на севере полуострова Канин также 15 августа 1968. Факты регистрации северных олуш в акватории Баренцева моря вблизи северной части полуострова Канин и острова Колгуев позволяют предположить об их гнездовании, возможно, в северной части полуострова, которая в орнитологическом отношении не исследована.

Phalacrocorax carbo. Редкий вид, отмеченный нами на гнездовании на Соловецком архипелаге в августе 1982 года и в Онежском заливе Белого моря (Бианки и др. 1993). В мае-июне 1990-2012 годов мы неоднократно (но не ежегодно) регистрировали по1-4 больших бакланов в юго-восточной части Двинского залива Белого моря в точках с координатами 64°58′ с.ш., 40°11′30′′в.д. и 64°51′29′′с.ш.. 40°17′ в.д. в районе острова Мудьюгский, а также в западной части Двинского залива в районе Унской губы.

Phalacrocorax aristotelis. А.П.Чёрным в июле1904 года подготовлен, а в 1905 году опубликован материал о коллекции птиц Архангельского городского публичного музея (АГПМ), в котором приведены сведения о наличии в музее под № 193 (№ в старом каталоге, изданном в 1898 году) одного чучела хохлатого баклана. Никаких сведений о происхождении этого экспоната в каталоге не приведено. В Онежском и Двинском заливе Белого моря были отмечены залёты хохлатого баклана в гнездовой период (Бианки и др. 1993). Несмотря на эти сведения, статус хохлатого баклана для территории области не ясен.

Botaurus stellaris. Очень редкий гнездящийся вид (Андреев 2007б). Впервые о встрече большой выпи на территории Архангельской области указали В.Паровщиков и В.Ларионов (1958). Они отметили, что 10 октября 1950 в дельте Северной Двины А.Н.Стежко добыл выпь.

Ежегодно с начала 1990-х годов в мае-июне мы фиксируем брачные крики выпи в устьевой области Северной Двины, включая остров Мудьюгский (Андреев 2000). Самый ранний весенний брачный крик

выпи мы зарегистрировали 11 мая 1994. Самая северная точка в Архангельской области, где мы отмечали токовый крик выпи,– берег северо-восточной части острова Мудьюгский (64°57´48´´с.ш., 40°13´ в.д.).

31 июля 1994 на одном из островов дельты мы нашли в зарослях рогоза гнездо выпи с 3 крупными, примерно 2-недельными птенцами. В августе 2000 года мы нашли 2 крупных птенцов выпи в юго-восточной части острова Мудьюгский. Размеры одного из промеренных гнёзд составляли, см: наружный диаметр гнезда 29-33, диаметр лотка 14-16, высота гнезда 15, глубина лотка 2.

Нередко в дельте Северной Двины во время летне-осенней охоты медленно летающая выпь попадает под выстрел. Двух выпей, подстреленных в сентябре 1996 (самка) и 1999 (самец), мне удалось промерить. Размеры самца были следующими, мм: длина тела с хвостом 715, длина хвоста 102, длина крыла 320, ширина крыла 210, длина крылышка 104, длина цевки 102, длина среднего (второго) пальца 87, длина когтя среднего пальца 22, длина заднего пальца 38, длина когтя заднего пальца 28, длина надклювья от оперения 72, длина надклювья от ноздри 50, длина подклювья 55, масса тела 910 г; размеры самки – длина тела 710, хвоста 103, крыла 300, крылышка 88, цевки 90, среднего пальца 82, когтя среднего пальца 21, заднего пальца 36, когтя заднего пальца 26, надклювья от оперения 65, надклювья от ноздри 50, подклювья 50, высота клюва у основания 20, ширина клюва у основания 16, масса тела 850 г.

Casmerodius albus. Очень редкий вид, встречающийся в Каргопольском районе области на озере Лача (Андреев 2004). Все встречи большой белой цапли были зарегистрированы в летние месяцы, однако статус вида пока не выяснен.

Ardea cinerea. Вероятно гнездящийся вид, ежегодно встречаемый нами в различных районах области. Наиболее северная точка нашей регистрации серой цапли в мае-июне – 64°51´29´´с.ш., 40°17´ в.д. Первая информация о встрече серой цапли в августе 1939 года на озере Слободское (64°11´ с.ш., 40°50´ в.д.) опубликована В.Паровщиковым и В.Ларионовым (1958). В этой же заметке указывается о добыче 11 августа 1953 серой цапли на реке Онеге (примерно 63°20´ с.ш.), окольцованной 3 июля 1953 на Рыбинском водохранилище.

Plegadis falcinellus. В материалах А.П.Чёрного (1905) приведены сведения о наличии в АГПМ под № 266 одного экземпляра каравайки (чучела) «в зимнем оперении, неизвестно откуда полученном». В настоящее время чучела каравайки в фондах музея нет. Других сведений об этом виде из Архангельской области с тех пор не появлялось.

Platalea leucorodia. В тех же материалах А.П.Чёрного (1905) о коллекции птиц АГПМ приведены сведения о наличии в музее под № 271 одного чучела колпицы с примечанием: «случайно залетевшая самка;

жила в окрестностях Архангельска почти 2 месяца». С тех пор никаких сведений о колпице на территории области не поступало. Это чучело было утрачено в начале 2000-х годов.

Phoenicopterus roseus. В Архангельском областном краеведческом музее имелось чучело молодого розового фламинго, добытого в 1969 году на юго-востоке области на реке Вычегде в Котласском районе. В начале 2000-х годов чучело было утрачено.

Таким образом, в Архангельской области обитают (гнездятся и вероятно гнездятся) три вида веслоногих и цаплевых: большой баклан, большая выпь и серая цапля. Встречи других семи видов веслоногих, голенастых и фламинго были зарегистрированы здесь единично или эпизодически.

Литература

Андреев В.А. 2000. О фауне позвоночных острова Мудьюгский // *Краеведение и краеведы: Материалы науч. конф., посвящённой 105-летию со дня рождения К.П.Гемп. Тр.11-го съезда Рус. геогр. общ-ва* **7**: 34-46.

Андреев В.А. 2004. Встречи в Архангельской области новых для её территории птиц // *Рус. орнитол. журн.* **13** (249): 20-21.

Андреев В.А. 2007а. Новые птицы в Архангельской области // *Рус. орнитол. журн.* **16** (345): 216-217.

Андреев В.А. 2007б. *Систематический каталог птиц г. Архангельска и пригородной зоны*. Архангельск: 1-35.

Бианки В.В., Коханов В.Д., Корякин А.С., Краснов Ю.В., Панева Т.Д., Татаринкова И.П., Чемякин Р.Г., Шкляревич Ф.Н., Шутова Е.В. 1993. Птицы Кольско-Беломорского района // *Рус. орнитол. журн.* **2** (4): 491-586.

Зубцовский Н.Е., Рябицев В.К. 1976. Новые данные о птицах полуострова Канин // *Орнитология* **12**: 228-231.

Паровщиков В., Ларионов В. 1958. Залёты голенастых птиц на Архангельский Север // *Охота и охот. хоз-во* 5: 24.

Плешак Т.В. 2001. О встрече северной олуши *Morus bassanus* на юге Баренцева моря // *Рус. орнитол. журн.* **10** (163): 905-906.

Птицы России и сопредельных регионов: Пеликанообразные, Аистообразные, Фламингообразные. 2011. М.: 1-602.

Чёрный А.П. 1905. Коллекция птиц Архангельского Городского Публичного Музея. Июнь 1904 // *Каталог Архангельского Городского Публичного Музея*. Архангельск: 63-77.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск **799**: 2365-2374*

Биология и численность кречётки *Chettusia gregaria* в кустанайских степях

Н.С.Гордиенко

*Второе издание. Первая публикация в 1991**

Наблюдения за кречёткой *Chettusia gregaria* велись в основном на территории Наурзумского заповедника (Северный Казахстан) с 1971 по 1987 год. Обследовались также урочище Кизбельтау, Сары-Булак, склоны Тургайского плато, долины рек Дана-Бике, Наурзум-карасу и Убаган. Протяжённость маршрутов примерно 300 км, время проведения полевых работ – с апреля по август. Применялись маршрутные учёты, поиски и описание гнёзд и кладок, визуальные наблюдения из укрытий за насиживанием, брачным и кормовым поведением.

Миграции. Первые особи появляются в заповеднике 1-19 апреля, в среднем за 16 лет 9 апреля – в период интенсивного таяния снега в степи. В больших пределах колеблются и сроки отлёта кречёток из наурзумских степей: в 1986 году последний раз их видели 1 августа, в 1972 – 11 сентября, в среднем за 12 лет – 17 августа. Перед отлётом кречётки держатся стаями из 10-50 птиц по берегам крупных пресных озёр или степных рек в местах, где сохранилась вода.

Гнездование. Уже в первых прилетевших стаях кречёток выделяются пары, сформировавшиеся, видимо, на начальных этапах пролёта к местам гнездования. Самцы при этом активно защищают самку от чужих самцов, между ними наблюдаются столкновения. Почти сразу после прилёта птицы посещают места прошлогоднего гнездования – те участки, где они гнездятся почти ежегодно в течение нескольких лет. На новых местах кречётки появляются спустя 1-2 недели после прилёта, обычно в начале мая. В этот период заметно преобладание в населении вида самцов в соотношении 2:1 (60% случаев из 14 наблюдений), реже 3:1 или 1.5: 1. К моменту откладки яиц всеми членами колонии «чужие» самцы покидают её.

Выбор конкретного гнездового участка и формирование состава колонии происходят за 5-8 дней до начала устройства гнездовых ямок. Так, в 1981 году первые 2 пары появились на Акужанской колонии 17 апреля, 22 апреля они переместились на 300 м к востоку, выкопали здесь 2 ямки, поодаль держались ещё 3 пары и 2 самца. Наблюдались спаривание у 1 пары и конфликты между самцами. Вскоре ямки были засыпаны песком, и птицы переместились на другое место, в 150 м от прежнего, где появились новые ямки, уже заложенные навозом, – вер-

* Гордиенко Н.С. 1991. Биология и численность кречётки в кустанайских степях // *Орнитология* **25**: 54-61.

ный признак приближающейся откладки яиц. 14 мая на участке остались 3 пары, а 18 мая было отложено первое яйцо. Следовательно, учёт птиц на колонии в период откладки яиц не может дать точное представление о числе размножающихся здесь пар. В 1982 году на другой колонии, у посёлка Докучаевка, птицы появились спустя 2 недели после прилёта: 30 апреля учтено всего 14 птиц (6 пар), 5 мая одна из них приступила к откладке яиц, 6-7 мая осталось 12 птиц (5 пар), а 19 мая остались 2 пары и 2 самца.

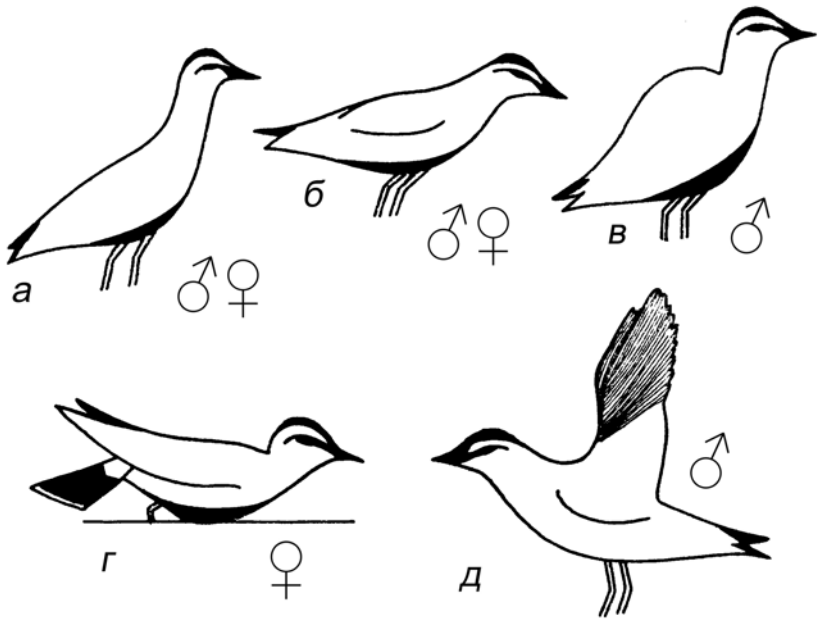
В этот период кречётки основную часть времени тратят на кормёжку, перемежая её конфликтами с чужими самцами, спариванием и копанием ямок. Человека подпускают на расстояние 8-10 м, после чего медленно отходят в сторону перпендикулярно направлению движения объекта тревоги. При этом они имитируют клевание и насиживание, издавая тихие скрипящие звуки. Спустя 5-10 мин, если человек продолжает приближаться к птицам, они все сразу взлетают и садятся в 100-300 м от прежнего места. При подходе домашних животных кречётки отходят в сторону и стоят неподвижно, держа шею вертикально (настороженная поза – см. рисунок).

Столкновения между самцами наблюдаются со дня прилёта и до конца насиживания, чаще всего это происходит в первой половине мая, когда на колонии присутствуют «лишние» самцы, и некоторые пары, вероятно, распадаются, так как мы наблюдали самца из пары, который после стычки с соперником остался с другой самкой. Время от времени чужой или «лишний» самец приближается к паре, держа туловище горизонтально (горизонтальная поза). С расстояния 10-14 м «хозяин» с тихим скрипом в такой же позе быстро двигается ему навстречу, при этом перья на голове приподняты («горбатая» поза). Сблизившись, оба самца почти одновременно резко взмахивают крыльями, чужак взлетает, преследуемый «хозяином», и садится поодаль.

Возвращение самца к самке почти всегда заканчивается спариванием, которое наблюдается в период с последних чисел апреля до середины мая, т.е. до конца кладки. Самец взъерошивает перья на голове, мелкими шажками быстро подходит к самке, поворачиваясь к ней боком вплотную, опускает по-петушиному крыло (в 2 случаях из 8 наблюдений), самка ложится, самец быстро вскакивает на неё и через секунду сходит, затем обегает её сзади, и оба начинают кормиться рядом. В одном случае наблюдалась послекопуляционная пробежка вместе обоих партнёров с вытянутыми вверх шеями, подобно параллельному плаванию у токующих поганок, изредка наблюдались отряхивание и распускание веером хвоста самкой.

Когда на месте размещения будущей колонии появляются гнездовые ямки, стычки между самцами становятся всё ожесточеннее, к ним часто присоединяются самцы из соседних микроколоний, располагаю-

щихся на расстоянии 1-3 км. Поднятые вверх крылья в момент встречи двух самцов, их внезапный взлёт и полёт над колонией, посадка «чужого» самца на занятой территории – всё это служит сигналом, привлекающим птиц из соседних участков,– образуется своего рода «ток», состоящий из 4-15 самцов, описанный В.В.Хроковым (1978). Преследуемый самец нередко садится вблизи гнезда, и тогда его вместе с «хозяином» преследует и самка – в горизонтальной позе. В агрессивных столкновениях участвуют практически все самцы, прилетевшие на «ток», это продолжается от 10 до 40 мин, после чего 1 или 2 птицы внезапно взлетают, увлекая за собой остальных, и «ток» перемещается в другое место, на расстояние 300-800 м от прежнего.



Демонстративные позы кречеток *Chettusia gregaria*.
Реакция на опасность: *а* – настороженная поза; *б* – горизонтальная поза;
в – агрессивная «горбатая» поза; *г* – отвлекающая демонстрация самки у гнезда;
д – взмахи крыльями «wing-up» самцов при встрече.

Настоящих драк между самцами, когда они наносят удары клювом и ногами, описанных А.О.Соломатиным (1973), мы не наблюдали. В отличие от мнения В.В.Хрокова (1978) мы считаем, что стычки между самцами не возникают самопроизвольно, они всегда спровоцированы попыткой одного из самцов приблизиться к самке из пары. С началом насиживания кладки «ток» как элемент брачных демонстраций трансформируется в территориальное поведение, т.е. защиту обоими партнёрами гнездового участка. «Лишние» самцы, спасаясь от преследующего их «хозяина», иногда принимают позу насиживания и таким образом избегают стычки с ним. Когда самка на время остаётся одна, чужой самец приближается к ней в горизонтальной позе, имитируя клевание, самка медленно отходит в сторону, как в опасной ситуации при приближении человека (см. рисунок).

Копание ямок отмечается через 1-2 недели после прилёта, в последних числах апреля – начале мая. В одном случае это делали самки, копая клювом ещё влажную землю, помогая себе ногами, раздвигая подстилку грудью, в другом – большую активность проявляли самцы, как было 13 мая 1984: за 2 ч наблюдений самец копал ямки в разных местах 11 раз, причём в 4 случаях в тех местах, где присаживалась самка. Частота движений достигала 17 в минуту. Хотя самец постоянно пытался привлечь внимание самки, поклёвывая землю в разных местах, она копала ямку лишь один раз. Устройство ямок прерывается кормёжкой, копуляцией и изгнанием соперника обеими птицами, находящимися в горизонтальной позе. Через 2 дня в одну из ямок было отложено первое яйцо.

Наиболее характерными местообитаниями кречёток в Казахстане являются сухие степи с пятнами солончаков с разреженной ковыльно-типчаковой, типчаковой и полынно-типчаковой растительностью (Долгушин 1962; Хроков 1977). Анализируя местообитания кречёток в наурзумских степях, можно сделать вывод, что эти птицы предпочитают гнездиться в местах с пустынным типом растительности, для которого характерно доминирование полынных, солянковых, сарсазановых, кокпековых и камфоросмовых растительных ассоциаций (*Artemisia* spp., *Salicornia* sp., *Halochemum* sp., *Atriplex* sp., *Camphorosma* sp.) с небольшой примесью типчака *Festula sulacta* – здесь гнездилось 130 пар, или 96% от общего количества отмеченных на гнездовье пар. Низкое (10-20%) проективное покрытие травостоя и его высота, не превышающая 25 см, способствуют своевременному обнаружению опасности и выпугиванию из травы насекомых. Половина найденных гнёзд располагалась в чернополынно-типчаковой степи с солянками и эфемерами (гусиный лук, тюльпан Биберштейна) на берегу озера Акужан.

Эта колония известна с 1938 года (Михеев 1938; Рябов 1949), в последние годы кречётки там не встречаются, переместившись на 30 км к северу, ближе к посёлку Докучаевка, где занимают кочковатый солончак с редкими кустиками камфоросмы и солероса. Косвенной причиной этого является высокий уровень воды в озере Акужан и вытекающей из него речке, так как это привело к уменьшению площади пастбища, и около 100 голов крупного рогатого скота стали пастись на небольшом пятачке, где располагалась колония. Нередко здесь отдыхали и овцы, что приводило к почти 100%-й гибели кладок. Вместе с тем прослеживается чёткая связь кречёток с выпасными угодьями: на не тронутых скотом участках они не гнездятся. В 1960-х годах кречёток встречали на берегах озёр Эаркуль, Чушкалы и Сары-Моин (Соломатин 1973). Позднее, когда с этих озёр убрали фермы, берега заросли густым пыреем и разнотравьем и стали непригодны для гнездования кречёток. Вторым обязательным условием для этих птиц является

наличие пресной воды. В начале периода насиживания гнёзда находятся на расстоянии от 100 м до 1 км от источника воды, в июне он нередко пересыхает, что вынуждает выводки кочевать поближе к воде почти сразу же после вылупления всех птенцов. Около 80% всех гнёзд располагались в 2-4 км от посёлка, остальные были удалены от него на 300-1000 м.

Таблица 1 Фенология размножения кречёток в Наурзумских степях

Годы	Найдено гнёзд	Даты			
		начала откладки яиц	массовой откладки яиц	начала вылупления птенцов	подъёма молодых на крыло
1980	7	29.04	1-5.05	25.05	04.07
1981	2	17.05	—	—	~ 20.07
1982	1	05.05	10-20.05	10.06	14.07
1983	5	20.05	—	—	—
1984	4	08.05	10-12.05	06.06	20.07
1985	3	30.04	10-14.05	17.06	31.07
1986	1	01.05	—	—	—
1987	1	12.05	—	08.06	—
Средняя дата за 8 лет		08.05			

Даты откладки яиц у кречётки колеблются в разные годы в больших пределах – от 29 апреля 1980 и 1985 до 25 мая 1971, разгар откладки наблюдается в первой декаде мая (табл. 1). Раньше начинают размножение птицы, занимающие прошлогодние участки и члены крупных, более 3 пар, колоний, тогда как на новых местах и у отдельных пар это происходит на 1-2 недели позже, 20-40 лет назад свежие кладки кречёток находили в течение всего июня (Рябов 1949; Касаткин, устн. сообщ.). В настоящее время лишь в 4 случаях из 30 отмечались находки свежих кладок в первой половине июня, следовательно, очень небольшая часть самок, потерявших первую кладку, приступает к повторной.

Места для устройства гнёзд кречётки выбирают у края старых дорог, на солончаковых «плешинах», т.е. там, где меньше всего растительности. В состав выстилки гнезда входят сухие стебли злаков, белой полыни и кусочки коровьего навоза, играющего, по-видимому, маскировочную роль (при поисках гнёзд мы ориентировались на те участки степи, где было много расклёванных птицами коровьих «лепёшек», так как именно здесь вероятность обнаружения гнезда была наибольшей).

Размеры гнёзд кречёток в Северном и Центральном Казахстане мало различаются, тогда как размеры яиц кречёток, обитающих в наурзумских степях, немного больше, чем у птиц в Целиноградской области (табл. 22). В Наурзуме, как и в других районах Казахстана (Дол-

гушин 1962), кречётки откладывают от 2 до 4, в среднем 3.92 яйца (n = 27). В 1930-е годы средняя величина кладки у этого вида составляла 4.17 яйца (n = 66), причём в 12 гнёздах было по 5 яиц, что в последние 20 лет нигде не отмечалось.

Время инкубации 3 яиц, считая со дня откладки первого яйца, – 22 дня, кладка из 3 яиц была отложена за 5 дней, из 4 яиц – за 6 дней. Насиживает в основном самка: из суммарных 27 ч наблюдений самец находился в гнезде лишь в течение 14 мин.

Таблица 2. Размеры гнёзд и яиц кречёток

Показатель	Промеры гнёзд		Промеры яиц		
	Диаметр гнезда, см	Диаметр лотка, см	Длина, мм	Ширина, мм	Масса г
Наурзумский заповедник					
	n = 10		n = 35		
lim	15-18.5	2-4	43.6-48.2	32.4-34.6	24.3-27.8
Среднее	15.8	3.4	46.5	33.5	26.1
Кургальджинский заповедник (Хроков 1977)					
lim	14-17	3-5	42.0-48.5	31.5-35.5	27.5-30.5
Среднее	15.5	3.9	45.8	33.4	28.3

Наличие наседных пятен у самцов (Хроков, устн. сообщ.) не может служить доказательством регулярного и длительного участия их в насиживании кладки, скорее всего, они играют роль при обогреве пуховых птенцов.

Гибель кладок составляет 44% от 26 гнёзд, бывших под наблюдением, в 1 из них 2 яйца раздавлены овцами. Массовый прогон скота через колонию приводит почти к полной гибели всех кладок, тогда как одиночных животных наседка успешно отпугивает, бросаясь на них в «горбатой» позе с опущенными к земле крыльями. Из 92 яиц 1 (1%) оказалось неоплодотворённым. Наиболее ранняя дата появления птенцов – 25 мая 1980, вылупляются они до конца июня. В колонии из 3 гнёзд вылупление всех птенцов произошло в течение 4 дней, а в колонии из 8 гнёзд – за 10 дней. Продолжительность вылупления с момента наклёва составляет 36 ч, второй птенец появляется через 1-1.5 сут после первого, остальные вылупляются в течение суток.

На появление человека в колонии в этот период оба родителя реагируют пикированием, причём «атаки» становятся более стремительными и громкими, чем во время инкубации яиц. Спустя 5-10 мин птицы садятся в 30 м и отходят в сторону, имитируя клевание, насиживание и издавая тихое кряканье. Только что вылупившийся птенец затаивается в гнезде, более старшие птенцы – вблизи него в траве, стараясь лечь в тени. Успокоившись, родители ложатся и подзывают птенцов

очень характерным звуком *«крек»*. В двух случаях пуховички прятались в оперении самца.

Продолжительные отлучки самцов, ослабление коллективной защиты колонии способствуют гибели вылупляющихся птенцов, которых на лету выхватывают из гнезда грачи *Corvus frugilegus*. Это наиболее уязвимый момент в гнездовой биологии кречёток. При беспокойстве со стороны человека или скота самка и старшие птенцы долго, в течение часа, не возвращаются к гнезду.

Первую неделю после вылупления всех птенцов выводок можно встретить в радиусе 20-50 м от гнезда. Птенцы в возрасте до 1 месяца становятся добычей болотных луней *Circus aeruginosus* (2 наблюдения). Выводки держатся несколько в стороне от стаи бродячих птиц до подъёма молодых на крыло, что происходит в возрасте 37 дней (Гражданкин 1985). С середины июля в стаях уже можно заметить молодых птиц, у которых коричневая «шапочка» окаймлена сзади венчиком из тёмных ювенальных перьев, от взрослых молодые отличаются также бурыми пестринами на спине и кроющих крыла, а также светлым брюхом. Птицы, потерявшие кладку, сразу же покидают место гнездования, у них нередко наблюдаются конфликты между самцами, охрана самок, агрессивное поведение самки по отношению к чужим особям. Выводки с подлётывающими птенцами удаляются от колонии на 2-4 км, следуя за стаями холостых птиц по берегам крупных пресных озёр. Кормятся в основном на солянках, лебеде, обсохших днищах временных водоёмов.

В начале августа почти все молодые кречётки могут летать. В этот период поведение родителей меняется: при опасности частота «атак» снижается, громкие крики сменяются скрипом, подобным тому, каким взрослые подзывают птенцов. Молодые птицы отходят в сторону, имитируя клевание, чистку пера и очень редко – насиживание, затем молча взлетают.

В августе кречётки смешанными по полу и возрасту стаями кочуют по степи и побережьям крупных озёр, нигде не задерживаясь надолго. Отмечается концентрация птиц в местах миграции саранчовых вместе с чибисами *Vanellus vanellus*, чайками и грачами.

Линька. У добытой 12 апреля 1981 самки (из пары) отмечены признаки незаконченной предбрачной линьки контурных перьев головы. У размножавшихся птиц линька маховых наблюдалась в первых числах июля, 20 июля встречена самка с двумя выпавшими первостепенными маховыми, а также самец с отрастающими 3-м и 4-м первостепенными маховыми перьями. Чёрная «шапочка» и брюхо, отдельные контурные перья с пепельным оттенком (от брачного наряда) сохраняются у некоторых самцов до конца июля. В августе взрослые особи становятся бурыми, на голове и брюхе появляются светлые пестрины.

У самца кречётки, добытого 1 сентября 1984, происходила линька контурных перьев нижней части тела.

Питание. Кречётки разыскивают корм, совершая короткие пробежки: сделав 3-5 быстрых шагов, склёвывают подвижных насекомых в траве, при этом подняв ногу. В середине мая у них появляются новые движения – покачивание на одной ноге перед клевком; тело птицы движется то вперёд, то назад, одна нога приподнята над землёй – создаётся впечатление, что кречётка как бы топает ногой после пробежки. В июне частота клевков была 5-10 раз в минуту, в июле-августе – 3-5. Частота покачиваний примерно в два раза выше, чем частота клевков. Кормящаяся в зарослях поташника *Kalidium*, белой полыни и типчака стая из 20 птиц за 1 ч передвинулась на 1.5 км. Двадцатиминутная кормёжка прерывается получасовым отдыхом, когда почти все птицы ложатся в траву на расстоянии 1-5 м одна от другой, и всегда 1-2 особи, по-видимому сторожевые, находятся на возвышенных местах.

Основу кормового рациона кречёток, по данным В.Ф.Рябова (1949) и В.В.Хрокова (1976), составляют жуки: долгоносики Curculionidae, чернотелки Tenebrionidae и жужелицы Carabidae, затем саранчовые Acricidae и гусеницы совок Noctuidae. В содержимом 5 желудков кречёток, добытых в апреле и июле, по количеству и встречаемости преобладали чернотелки, затем жужелицы и гусеницы каких-то бабочек, саранчовые найдены в 2 желудках*. Пойманную саранчу птица оглушает, ударяя о землю. Наблюдали два случая совместной кормёжки кречёток и степных тиркушек *Glareola nordmanni* на колонии, когда тиркушки следовали буквально «по пятам» за кречётками и ловили выпугнутых ими кобылок.

Численность. В Наурзумском заповеднике и его окрестностях ежегодно гнездилось по 3-13 пар кречёток, лишь в 1980 году на 3 колониях учтена 21 пара. Такие резкие колебания численности присущи этому виду, чутко реагирующему на изменения водного режима озёр, характера зарастания берегов и состояния кормовой базы. Так, в 1938-1939 годах гнездилось несколько десятков пар, в 1940 – не более 20 (Рябов 1974), в 1946 и 1947 годах отмечено примерно 6 выводков (Чельцов-Бебутов, устн. сообщ.), в 1966-1967 – 3-5 пар, в 1968 – одиночные пары (Соломатин 1973). Устойчивое снижение численности кречёток произошло, по-видимому, в начале 1960-х годов, что совпало с периодом освоения целинных земель, когда на всех озёрах, включая Наурзумские, было построено более 10 животноводческих ферм. Величина колонии от нескольких десятков пар уменьшилась до 15 пар, в среднем по 20 колониям она составляет сейчас 5.2 пары. 4.4% от общего количества учтённых пар (136) гнездится отдельными парами, 77.2% –

* Определял С.Н.Фирсов.

колониями из 3-15 гнёзд. По нашим и литературным данным, наиболее обычными стали в 1970-1980-х годах колонии из 4-5 пар. По данным маршрутных учётов, численность кречётки в 1930-х годах в мае-июне была 13.2 особи на 1 км^2, в 1960-х годах – 1.5 (Рябов 1974), в 1970-1980-х годах – 0.7 особи на 1 км^2.

В послегнездовое время в 1930-х годах кречётки встречались стаями из сотен и тысяч особей (Рябов 1949; Михеев, устн. сообщ.), в 1966-1987 годах ежегодно учитывалось от 50 до 150 птиц, величина 1 стаи не превышала 98 особей. Следовательно, численность кречёток снизилась за последние 30-50 лет на гнездовье более чем в 2 раза, на кочёвках – в 10 раз. В это же время произошло уменьшение величины кладки и колонии, возрос уровень отхода яиц и пуховых птенцов, что может служить показателем депрессии популяции. Причину этого, на наш взгляд, надо искать в экстенсивном характере земледелия: продолжавшаяся до 1980 года распашка ковыльных степей резко уменьшила площадь сенокосных и пастбищных угодий, в силу чего нагрузка на последние возросла, так как поголовье скота постоянно растёт. Недостаточно выделяется площади и под выпас личного скота (в последние годы кречётка предпочитает гнездиться вблизи посёлка Докучаевка, в частности там, где выпасается скот частного сектора). Появление новых населённых пунктов с парками способствовало расселению грачей – главных разорителей гнёзд кречёток. Сохранение популяции кречётки возможно лишь при упорядочении пастбищной нагрузки, регуляции численности грачей, ограничении посещения колонии в гнездовой период. Не исключена возможность перехода части популяции к гнездованию на посевах кормовых культур

Литература

Гражданкин А.В. 1985. Искусственная инкубация птиц и постэмбриональное развитие птенца кречётки // *Экологические особенности охраны животного мира*. М.: 24-29.

Долгушин И.А. 1962. Отряд Кулики – Limicolae // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, **2**: 40-245.

Михеев А.В. 1938. К составу авифауны Наурзумского госзаповедника // *Тр. Наурзумского заповедника* **1**: 127-152.

Рябов В.Ф. 1949. К экологии некоторых степных птиц Северного Казахстана по наблюдениям в Наурзумском заповеднике // *Тр. Наурзумского заповедника* **2**: 153-232.

Рябов В.Ф. 1974. Изменения авифауны степей Северного Казахстана под влиянием антропогенных факторов // *Орнитология* **11**: 291.

Соломатин А.О. 1973. К биологии кречётки на Тургайском плато // *Фауна и экология куликов*. М., **1**: 93-94.

Хроков В.В. 1976. О питании кречётки в Центральном Казахстане // *Материалы республиканской конф. молодых учёных*. Алма-Ата, 2: 438.

Хроков В.В. 1977. Кречётка в Тенгиз-Кургальджинской впадине (Центральный Казахстан) // *Редкие и исчезающие звери и птицы Казахстана*. Алма-Ата: 231-234.
Хроков В.В. 1978. Кречётка // *Природа* 12: 92-96.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск **799**: 2374-2375*

О встречах новых видов птиц в Северной Осетии

Ю.Е.Комаров

*Второе издание. Первая публикация в 1988**

Беря за основу фаунистический список птиц Р.Л.Бёме (1958), отметим новые (появившиеся за последние годы) для фауны Северной Осетии виды.

Cygnus olor. Обычный зимующий вид на прудах, расположенных у подножия Сунженского хребта, по пойме тери Терек.

Cygnus cygnus. 18 января 1985 стая из 92 лебедей-кликунов держалась всю зиму на озере Бекан, а 20 февраля 1985 2 кликуна встречены на Брутских прудах.

Vanellochettusia leucura. 22 сентября 1985 одна белохвостая пигалица добыта на Ходских озёрах в период пролёта (севернее Алагира). Тушка хранится в коллекции Северо-Осетинского заповедника.

Larus genei. На Црауских озёрах (окрестности села Црау) 28 ноября 1982 добыта пара морских голубков.

Streptopelia decaocto. В настоящее время кольчатая горлица – обычная птица в городах Орджоникидзе, Ардон и Алагир. В последнем появилась в 1981 году. 25 мая 1982 встречена в горном посёлке Мизур (около 1100 м н.у.м.).

Tachybaptus ruficollis. С 1980 года малая поганка регулярно в небольшом числе зимует на озере Бекан и Брутских прудах. Встречена на реке Ардон у города Алагира (23 января 1985) и на реке Терек у Орджоникидзе (21 января 1985).

Porphyrio poliocephalus. 27 сентября 1982 в пойме Терека у села Эльхотово добыта одна султанская курица (А.Б.Варзиев, устн. сообщ.), тушка которой хранится в Зоомузее Северо-Осетинского университета.

Panurus biarmicus. В тростниковых зарослях одного из Брутских рыборазводных прудов 20 февраля 1985 встречена пара кормившихся усатых синиц, которые, возможно, зимовали здесь.

* Комаров Ю.Е. 1988. О гнездовании малой мухоловки и встречах новых видов птиц в Северной Осетии // *Орнитология* **23**: 213.

Plectrophenax nivalis. Нерегулярно залётный вид. Стайка из 7 пуночек кочевала в полях у села Саудаг 20 февраля 1976.

Литература

Бёме Р.Л. 1958. Птицы Центрального Кавказа // *Учён. зап. Сев.-Осет. пед. ин-та* **23**, 1: 111-183.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск **799**: 2375-2376*

Новые данные о распространении неворобьиных птиц в Пензенской области

В.П.Денисов, В.В.Фролов

*Второе издание. Первая публикация в 1991**

Изучение орнитофауны Пензенской области, проводимое нами с 1974 года, показало, что с начала XX столетия произошли существенные изменения численности и состава неворобьиных птиц. Особый интерес при этом представляют находки на гнездовании ряда видов.

Podiceps auritus. Гнездящиеся красношейные поганки встречены в Кузнецком районе на Селитбенском озере, в окрестностях станции Евлашево и в Земетчинском районе на Ванином озере близ село Кириллово. На Селитбенском озере 26 июля 1978 обнаружен выводок из 5 птенцов. 9 июня 1979 там же наблюдали две пары, у одной из которых найдено гнездо с 4 сильно насиженными яйцами. На Ванином озере в августе 1980 года наряду со взрослыми птицами зарегистрированы 23 птенца, 18 мая 1985 отмечена пара.

Nycticorax nycticorax. 22 мая 1979 на Селитбенском озере замечена одиночная кваква, а 24 мая в колонии серых цапель *Ardea cinerea* обнаружено гнездо с кладкой из 4 свежих яиц. Гнездо кваквы располагалось в зарослях ивы на высоте 2 м от воды и на расстоянии 1.5 м от ближайшего гнезда серой цапли. 24 мая в гнезде было 4 яйца, 10 июня вылупился первый птенец.

Aythya fuligula. В 1979 году гнездо хохлатой чернети обнаружено на Селитбенском озере. В августе 1980 года 7 выводков встречены на Ванином озере. С 1982 года гнездование хохлатой чернети ежегодно наблюдается на Усть-Узинских прудах. 5 августа 1986 там же на од-

* Денисов В.П., Фролов В.В. 1991. Новые данные о распространении неворобьиных птиц в Пензенской области // *Орнитология* **25**: 155-156.

ном из островов найдены 7 гнёзд с яйцами, а на водоёме – 5 выводков пуховых птенцов.

Hieraaetus pennatus. В августе 1979 года в пойме реки Ворона в окрестностях села Чернышово Белинского района на сосне на высоте 20 м обнаружено гнездо орла-карлика с 2 птенцами. На следующий день молодые покинули гнездо и держались вблизи него.

Larus argentatus s.l. Серебристых чаек в летний период на Сурском водохранилище стали наблюдать с 1984 года. Характер их пребывания установить не удалось, однако в августе там же встречали стаи молодых птиц, что позволяло предполагать гнездование. В мае 1986 года пара серебристых чаек отмечена также на Усть-Узинских прудах, а 1 июня на одном из островов обнаружено гнездо с 2 свежими яйцами. 5 июня кладка состояла из 3 яиц, из которых впоследствии вывелись птенцы.

Larus canus. 15 июня 1980 на Сурском водохранилище обнаружены две гнездящиеся пары сизых чаек. Гнёзда с кладками из 3 сильно насиженных яиц располагались рядом с колонией озёрных чаек *Larus ridibundus*. Там же 1 июня 1986 найдено гнездо с 3 свежими яйцами в колонии речных крачек *Sterna hirundo*. На водохранилище в течение лета встречаются и особи, не участвующие в размножении.

Larus minutus. Малую чайку в первые годы исследования в области мы отмечали лишь единично; число встреч значительно увеличилось с 1980 года. 30 мая 1982 на прудах Усть-Узинского рыбхоза обнаружена первая колония малых чаек (14 пар), а в 1986 году в области (на Сурском водохранилище и в Кузнецком районе) учтена 91 гнездящаяся пара.

Glareola nordmanni. Гнездование степной тиркушки в Пензенской области отмечали дважды: 16 июня 1975 на свекольном поле в окрестностях села Успенка Мокшанского района были обнаружены 4 гнезда, а 5 июня 1977 одно гнездо найдено в пойме реки Хопёр вблизи села Раевка Колышлейского района; наряду с этим 5 мая 1985 пара степных тиркушек отмечена около села Кириллово Заметчинского района.

В период полевых работ, помимо перечисленных выше видов, установлены факты гнездования серощёкой поганки *Podiceps grisegena*, красноголового нырка *Aythya ferina*, мородунки *Xenus cinereus* и озёрной чайки *Larus ridibundus*, ранее не отмечавшихся в Пензенской области.

ISSN 0869-4362
*Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск **799**: 2377*

Крупные скопления свиристелей *Bombycilla garrulus* и рябинников *Turdus pilaris* в городе Уфе и особенности их питания

В.М.Емельянов

Второе издание. Первая публикация в 1995[*]

Значительные посадки рябины и мелкоплодных яблонь, дающие обильные урожаи, стали привлекать в город Уфу большое количество свиристелей *Bombycilla garrulus* и рябинников *Turdus pilaris*. Самые крупные налёты свиристелей были в 1985-1986 годах. К середине апреля 1985 года встречались стаи более чем из 100 особей каждая, а 13 апреля встречено около 800 особей в стае. В начале февраля 1986 года в четырёх кварталах города скопилось более 2000 свиристелей. Только в двух кварталах площадью 0.8 км^2 было около 1700 птиц, питавшихся плодами мелкоплодных яблонь. К концу месяца в городе были видны лишь одиночки. В 1988 году наибольшие скопления наблюдались 9-10 марта (стаи по 300-400 особей) и в первой половине апреля (стаи по 100-300 особей). В 1989 году вновь отмечено два пика концентрации свиристелей – 18 февраля – 2 марта и 13-27 апреля.

Обычно свиристели покидают город 24-27 апреля и лишь в 1989 году последняя встреча одиночек зарегистрирована 4 мая.

Крупные стаи рябинников обычно отмечались в январе-феврале. Наибольшие скопления наблюдались 18-22 марта 1988 – около 600 птиц в двух кварталах. В 1989 году здесь собиралось до 450 птиц, а самые крупные стаи – до 300 особей – отмечены 15-23 февраля 1989. Плоды яблонь поедались дроздами менее охотно, чем плоды рябины, урожай которой обычно кончается в феврале. В марте в кварталах города редко встречаются лишь одиночные рябинники.

[*] Емельянов В.М. 1995. Крупные скопления свиристелей и рябинников в г. Уфе и особенности их питания // *Чтения памяти профессора В.В.Станчинского*. Смоленск, **2**:19-20.